

Секция «Политическое знание в современную эпоху: новые направления и методы»

Дихотомия легитимности и доверия в современном обществе

Научный руководитель – Пшизова Сусанна Нурбиевна

Сычев Владислав Витальевич

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет государственного управления, Кафедра политического анализа, Москва, Россия

E-mail: 2001.vlad@inbox.ru

Дихотомия легитимности и доверия в современном обществе

Сычев Владислав Витальевич

Студент 2-го курса бакалавриата

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, факультет государственного управления, Москва, Россия

E-mail: <mailto:2001.vlad@inbox.ru>

Начиная с рассуждений М. Вебера о власти и господстве, в политической науке формируются первые представления о легитимности. Легитимность видится М. Веберу не как насильственное навязывание воли (в отличие от власти), а как признание управляемыми возможности управляющих оказывать на них волевое воздействие [1].

П. Розанваллон, современный французский теоретик демократии, в своих трудах несколько трансформирует подход к изучению политической легитимности. Если М. Вебер рассматривает её по отношению к власти и господству, то французский мыслитель предлагает исходить из взаимосвязи политической легитимности с категорией «общности».

Общность обладает тремя ключевыми параметрами: «числом», «независимостью» и «моральной универсальностью» [6]. «Число» является самой очевидной характеристикой общности, которая связана с понятием большинства: власть, признанная большей частью населения, считается законной и легитимной. Следовательно, данный параметр социальной общности согласуется с социально-процедурной легитимностью, при которой всеобщее избирательное право становится главным институтом, транслирующим данный тип легитимности.

Говоря о «независимости» общности, П. Розанваллон подразумевает наличие беспристрастного органа, собственником которого не может быть ни одна социальная группа или каждый гражданин в отдельности - все стороны равноудалены от этой власти, что и гарантирует ей публичный характер [6].

Наконец, следует перейти к третьей характеристике общности, «моральной универсальности», в соответствии с которой функционирование общности соответствует общепринятым ценностям [6]. С этим параметром сочетается «сущностная легитимность», транслирующими институтами которой могут быть религиозные учреждения, коммерческие организации, выдающиеся личности и мн. др.

Сегодня происходит «расщепление» политической легитимности в результате непримиримого конфликта между существенной и социально-процедурной легитимностью. Власть большинства всё сильнее отклоняется от общепринятых ценностей, что вынуждает П. Розанваллона ввести категорию «социальной (эмпирической) легитимности», под которой следует понимать «признание обществом деятельности определённых ассоциаций или отдельных личностей в силу их практического вклада в область своей специализации» [6].

Носителями же «социальной легитимности» становятся СМИ - «органы общественного мнения», способные осуществлять «сторожевую власть» - власть надзора и контроля за действиями выборных представителей [6]. Следовательно, современные общества всё

сильнее погружаются в состояние «демократической конкуренции», когда соперничество ведётся уже не в плоскости партийных боёв за голоса избирателей. Противостояние начинает обретать форму тяжёлого конфликта выборного представителя и журналиста - носителей политической и социальной легитимности.

Сущностная легитимность, протягивающая «моральную нить» доверия между избирателем и представителем, всё сильнее срастается с эмпирической легитимностью, воплощением которой является журналист, никем не избираемый, но пользующийся общественным доверием.

«Демократическая конкуренция» наносит серьёзный удар по существующим теориям выборного представительства, которые долгое время пытались соединить в избирательной урне два нетождественных политических атрибута - легитимность и доверие. Если в начале своего развития демократии сталкивались с проблемой поиска компромисса между равенством и свободой, которую отметил ещё А. Токвиль в «Демократии в Америке», то в современном мире кризис демократических обществ проявляется в разрыве между легитимностью и доверием [4].

Доверие как политический атрибут нельзя рассматривать исключительно в рамках электорально-представительной демократии. Во-первых, если легитимность является чистым процедурным актом в форме «пришёл - проголосовал», то доверие дополняется моральным и субстантивным измерениями [6].

Во-вторых, в отличие от легитимности, обычного юридического атрибута, доверию свойственно «временное растяжение» [6]. Доверие экстраполирует легитимность избрания на легитимность конкретных политических действий в будущем.

И в-третьих, доверие выступает «институциональным экономизатором» [6]. За счёт своего морально-субстантивного содержания доверие не нуждается в процедурах верификации и доказывания.

Таким образом, доверие значительно расширяет понимание легитимности, придаёт ей временное и моральное измерение. Тем не менее, противоречия, возникающие между легитимностью и доверием, лишь продолжают учащаться. Смягчение этого конфликта может происходить по двум альтернативным путям: за счёт наложения ограничений на социально-процедурную легитимность и благодаря усилению социальной контрвласти [6].

Говоря об ограничениях процедурной легитимности, уместно вспомнить размышления Ж.-Ж. Руссо о необходимости проведения периодических собраний для предупреждения «захвата власти правительством» [3]. Так, для наложения ограничений на социально-процедурную легитимность во многих государствах была повышена частота проведения выборов, внедрялись новые схемы прямой демократии и т.д.

Второй путь разрешения конфликта легитимности и доверия носит стихийный характер и предполагает «компенсацию эрозии доверия за счёт разработки набора сдержек и противовесов со стороны общества» [6]. Эта альтернатива открывает дорогу формированию социальной контрвласти, выполняющей функции по надзору за государственными органами.

В рассуждениях о формах «эрозии доверия» в современных демократиях нужно отметить и предпосылки их возникновения. П. Розанваллон выделяет три ключевых фактора, ускоривших наступление «века недоверия»: научный, социологический и экономический [6].

Научный исток недоверия кроется в том, что после 1960-х гг. людям стало менее свойственно испытывать оптимизм по поводу перспектив развития технологий на фоне учащающихся техногенных катастроф и аварий.

Если говорить о социологическом факторе, то многие из исследований показывают, что доверие людей друг к другу угасает ввиду сокращения личных связей между ними.

Следовательно, будет ослабевать и доверие к правительству. Склонность людей проявлять недоверие как к окружающим людям, так и к правительству, всё больше претендует именоваться «заболеванием» современных демократических обществ.

В сфере государственного вмешательства в экономику также наблюдаются постоянные «пробуксовки», не позволяющие современным правительствам эффективно и точно осуществлять долгосрочное экономическое прогнозирование. Причины его неэффективности объясняются различными способами. Экономист австрийской школы Ф.А. Хайек полагает, что современный этап развития цивилизации характеризуется значительным усложнением происходящих процессов, углублением международного разделения труда, вследствие чего традиционные механизмы прогнозирования и планирования оказываются неэффективными [5]. Напротив, российский специалист по стратегическому планированию Е.Н. Ведута, считает, что современные западные правительства не имеют достаточного технического опыта осуществления планирования по советской итеративной модели [2].

Обобщая всё вышесказанное, хочется отметить следующее: доверие представляет собой один из самых хрупких политических атрибутов, нуждающийся в постоянной поддержке. В результате сращения сущностной и эмпирической легитимности доверию становится крайне тесно существовать в рамках электорально-представительной системы, основанной на институциональных формах социально-процедурной легитимности. Как только доверие выходит за её пределы, оно тут же меняет свою полярность на «отрицательную». Доверие распространяется в социальных толщах в формах либерального и демократического недоверия, которое под воздействием социальных, экономических и технологических факторов пробуждает контрдемократические механизмы.

Литература

1. **Вебер М.** Политика как призвание и профессия // Электронная библиотека «Booksonline». URL: [/rus/event/request/121736/report/&https://booksonline.com.ua/view.php?book](https://rus/event/request/121736/report/&https://booksonline.com.ua/view.php?book) (Дата обращения: 12.01.2021)
2. **Ведута Е.Н.** Стратегия и экономическая политика государства: Учебное пособие. - 2-е изд., доп. и испр. - М.: ИНФРА-М, 2014. - 320 с.
3. **Руссо Ж.-Ж.** Об общественном договоре. Книга третья. Глава XVIII. URL: <http://lib.ru/FILOSOF/RUSSO/prawo.txt> (Дата обращения: 12.01.2021)
4. **Токвиль А.** Демократия в Америке. Книга вторая / Электронная библиотека «Гражданское общество в России». URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Tokville_Democrasy_2.pdf (Дата обращения: 10.01.2021)
5. **Хайек Ф.А.** Дорога к рабству: Пер. с англ. / Предисл. Н.Я. Петракова. - М.: "Экономика", 1992. - 176 с.
6. **Rosanvallon P.** Counter-democracy. Politics in an age of distrust. Translated by Arthur Golghammer / Cambridge University Press. The Edinburgh Building, Cambridge CB2 8RU, UK. 2008.